

**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ПРОБЛЕМЫ
ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**
CIVIL SOCIETY AND THE RULE OF LAW: PROBLEMS OF INTERDEPENDENCE
IN MODERN RUSSIA

Пыльцина М.В., к.и.н., доцент ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия. **Pyltcina M.V.**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia.

Гришунина Е.А., студент ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия. **Grishunina E.A.**, student Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia.

Аннотация: в статье анализируется диалектическая связь между правовым государством и гражданским обществом. Авторы рассматривают теоретические основы концепции, конституционные гарантии развития гражданского общества в России, а также причины необходимости их взаимодействия. Выявлены актуальные проблемы, препятствующие формированию устойчивого диалога российского общества и государства. Обосновывается вывод о том, что правовое государство немыслимо без развитого гражданского общества, и наоборот.

Abstract: this article analyzes the dialectical relationship between the rule of law and civil society. The authors examine the theoretical foundations of this concept, the constitutional guarantees for the development of civil society in Russia, and the reasons for the need for their interaction. They identify current issues that hinder the development of a sustainable dialogue between Russian society and the state. They conclude that a rule of law is unthinkable without a developed civil society, and vice versa.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, верховенство права, демократия, правовая культура, права и свободы человека, Российская Федерация.

Keywords: civil society, rule-of-law state, rule of law, democracy, legal culture, human rights and freedoms, Russian Federation.

Правовое государство немыслимо без сопутствующего развитого гражданского общества – именно это утверждение является стержневым свойством высокоорганизованного правового государства. Актуальность данной темы определяется необходимостью формирования эффективного диалога между современным российским государством и обществом. Российская Федерация, согласно статье 1 Конституции РФ, заявлена как демократическое федеративное правовое государство. Одновременно Основной закон государства устанавливает верховенство прав и свобод человека и гражданина (ст. 2),

политический плюрализм (ст. 13), свободу объединений (ст. 30), что формирует нормативную основу гражданского общества [1].

Целью данной работы является выявление взаимосвязи правового государства и гражданского общества, определение современных проблем их взаимодействия в Российской Федерации и обоснование необходимости совместного функционирования данных институтов.

Концепция гражданского общества восходит к трудам Дж. Локка и Ш. Л. Монтенсье, которые рассматривали его как сферу автономных общественных отношений, основанных на свободе, частной собственности и правовом равенстве [2].

Гегель, размышляя о соотношении общества и государства, предложил свою трактовку гражданского общества. Она сводится к валидному взаимодействию общества и личности, свободам индивидов-собственников, а государству отводится роль по формированию эффективно функционирующих правоохранительных и судебных органов. По мнению немецкого классика, поступательное развитие гражданского общества осуществляется через достижение индивидом своих целей и реализацию принципа всеобщности («соотношение лиц между собой») [4].

В настоящее время гражданское общество понимается как совокупность внесударственных и внеполитических связей и институтов, действующих на основе автономии и правовой самостоятельности и способных на равных взаимодействовать с государством и осуществлять контроль над ним. Являясь социальной системой, гражданское общество включает в себя институты семьи и собственности, общественно-политические движения и организации как добровольные, самоуправляемые формирования, созданные на основе общности интересов, и другие элементы [5].

Российская конституциональная модель предусматривает ряд важных гарантий функционирования гражданского общества, среди которых следует выделить:

- идеологическое и политическое многообразие (ст. 13 Конституции РФ);
- свобода объединений (ст. 30);
- свобода слова и массовой информации (ст. 29);
- местное самоуправление как форма самостоятельного решения населением вопросов местного значения (ст. 12) [1].

Тем не менее, нормативная база институтов гражданского общества не ограничивается конституционными нормами. В настоящее время разработана широкая законодательная база, регулирующая деятельность некоммерческих организаций, порядок проведения публичных мероприятий и работу средств массовой информации. В ряде случаев нормативные акты устраняют барьеры для поступательного развития гражданского общества.

Как уже отмечалось выше, гражданское общество выступает в качестве основы утверждения правового государства. Правовое государство нуждается во взаимодействии с гражданским обществом [3], что обусловлено следующими причинами:

- 1) легитимность политической власти непосредственно определяется поддержкой со стороны структур гражданского общества;

2) поддержание диалога с гражданским обществом дает возможность получать достоверные сведения о запросах социума и общественных настроениях;

3) в секторе гражданского общества представлены как структуры, остро нуждающиеся в государственном финансировании, так и те, кто, напротив, оказывает государству финансовую поддержку.

В основе современных концепций правового государства лежат идеи немецкого философа И. Канта. Правовое государство представляет собой форму организации публичной власти, основанную на верховенстве права, разделении властей, гарантии прав и свобод человек, взаимной ответственности государства и гражданина и независимости судебной власти. В классической теории права указывается, что правовое государство не может быть устойчивым без активного гражданского общества, способного выступать субъектом общественного контроля [2].

В то же время правовое государство призвано правовыми средствами обеспечить условия для сосуществования и успешного функционирования гражданского общества. Здесь налицо связь главных принципов правового государства – господства права и защищенности прав и свобод личности – с институтами гражданского общества.

Разнообразие взаимоотношений гражданского общества и государства выражены в их отличиях и единстве. В качестве основного признака их единства следует указать идентичность целей и задач. Такой единой целью и для создания правового государства, и для формирования гражданского общества является защита прав и законных интересов человека и гражданина. Единство государства и общества проявляется и в организации работы основных структур в общественно-политической, культурной и экономической сферах деятельности в соответствии с Основным законом государства и действующего законодательства.

О единстве общества и государства свидетельствует и тот факт, что публичная власть формирует и гарантирует условия для самовыражения и инициативы личности, для реализации коллективных интересов. Данное единство социальных и государственно-правовых явлений наиболее полно раскрывается при демократическом политическом режиме, который базируется на правовых методах властвования и органическом сочетании с широкими свободами личности во всех сферах общественной жизни.

Анализ состояния российского гражданского общества и утвердившегося правового государства позволяет выявить ключевые проблемы, которые возникают в результате их взаимодействия.

Обеспечение национальной безопасности со стороны государства может сопровождаться ограничением конституционных свобод граждан. Это приводит к дисбалансу между удовлетворением потребностей гражданского общества и реализацией государственных задач. Обозначенная проблема влечет за собой и стремление государства осуществлять контроль за гражданскими инициативами, нивелируя их автономность от административного регулирования.

На современном этапе протекают два взаимно противоречивых процесса, содействующих созданию отрицательного общественного понимания. С одной стороны, наблюдается динамика цифровых технологий, создающая инновационные потенциалы

социальной активизации, с другой – административный надзор за информационно-коммуникационной средой.

Следует обратить внимание и на пассивность граждан, ослабленное развитие горизонтальных социальных связей. Причиной тому являются низкий уровень развития правовой культуры и недостаточное общественное доверие к правовой защите личности.

Стоит уделить внимание и такой проблеме, как формирование модели «неэффективного партнерства». Гражданское общество, созданное на идеях «снизу», нуждается в скором и гибком разрешении возникающих проблем. Государственно-бюрократическая система, в основе которой лежат прежде всего формальные процедуры, не может своевременно и эффективно откликаться на поставленные задачи.

Несомненно, все указанные факторы негативно воздействуют на укрепление доверия населения к публичной власти, не способствуют упрочению устойчивой правовой государственности.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что между двумя социально-правовыми институтами – гражданским обществом и правовым государством – наличествует двуединая связь. Без правового государства гражданское общество неминуемо будет подавлено, а вне гражданского общества правовое государство превращается в фикцию. Поэтому гражданское общество и правовое государство – две взаимообусловленные и взаимодополняющие формы общежития, которые совокупными усилиями способны обеспечить законность и стать гарантами прав и свобод личности.

Проблематика эффективности МПР по-прежнему остаётся дискуссионной как в теоретическом, так и в практическом измерении. Исследователи, как правило, сосредотачивались на изучении результативности отдельных элементов механизма – прежде всего нормы права или стадии правоприменения, – тогда как комплексный подход к оценке функциональности МПР в целом разработан явно недостаточно [6]. Настоящая статья призвана восполнить указанный пробел. Цель исследования – раскрыть понятие и структуру МПР, охарактеризовать его стадии и критерии результативности, а также предложить пути его совершенствования в условиях современной России.

Правовое регулирование представляет собой целенаправленное государственное воздействие на общественные отношения посредством юридических инструментов, призванных упорядочить поведение участников этих отношений. В отечественной правовой науке сложились два основных подхода к пониманию МПР. Согласно первому, МПР сводится к совокупности юридических средств, образующих статическую систему воздействия на социальную действительность. Согласно второму, более широкому подходу, МПР – это целостный процессуальный комплекс, в котором правовые средства задействуются в определённой последовательности с целью практического воплощения правовых предписаний в реальном поведении субъектов [5]. Второй подход представляется методологически более продуктивным, поскольку акцентирует именно динамическую, процессуальную природу правового регулирования, а не сводит его к простому набору статических инструментов.

Структуру МПР образуют взаимообусловленные элементы, каждый из которых выполняет самостоятельную функцию [9]. Нормы права формируют исходную нормативную

основу: закрепляют дозволения, запреты и обязывания, устанавливают санкции за их нарушение. Нормативно-правовые акты служат документальной формой объективации правовых предписаний. Акты официального толкования, издаваемые уполномоченными инстанциями, устраняют неопределённость в понимании и применении правовых норм. Юридические факты выступают пусковым механизмом: именно их наступление влечёт возникновение, трансформацию или прекращение конкретных правоотношений. Правоотношения переводят абстрактные нормативные модели поведения в плоскость индивидуальных субъективных прав и юридических обязанностей. Акты реализации прав и обязанностей фиксируют фактическое правомерное поведение участников правоотношений. Наконец, акты применения права позволяют разрешить юридически значимые ситуации в случаях, когда стороны не способны урегулировать конфликт самостоятельно.

В качестве дополнительных, но не менее значимых элементов МПР выступают правосознание и режим законности [10]. Уровень правовой культуры общества предопределяет, насколько органично правовые нормы воспринимаются и исполняются его членами. Принципиально важным является разграничение нормативного и индивидуального правового регулирования. Нормативное регулирование адресовано неопределённому кругу лиц и рассчитано на многократное применение. Индивидуальное регулирование направлено на конкретного субъекта применительно к определённой ситуации [4]. Органическое взаимодействие обоих видов обеспечивает МПР необходимую адаптивность при сохранении нормативной стабильности.

Функционирование МПР разворачивается в три последовательные стадии. На первой компетентные органы государственной власти принимают нормативно-правовые акты, закрепляя правовые нормы, определяющие права и обязанности субъектов в типизированных жизненных ситуациях. На второй стадии при наступлении предусмотренных нормой юридических фактов у конкретных участников правоотношений возникают или изменяются субъективные права и юридические обязанности – происходит персонификация нормативного предписания. В научной литературе эту стадию нередко дифференцируют на два взаимосвязанных этапа: возникновение правоотношения и начало реализации прав и обязанностей его участников [9]. На третьей стадии закреплённые права и обязанности воплощаются в конкретных действиях или воздержании от действий. Именно здесь правовая норма достигает конечной социальной цели, ради которой она была принята. В случаях, когда добровольная реализация прав и обязанностей невозможна, к механизму подключается правоприменение – властная деятельность специально уполномоченных органов. Все три стадии находятся в органической взаимосвязи: функциональная деформация любой из них неизбежно нарушает слаженную работу МПР в целом.

Проблема результативности МПР занимает одно из центральных мест в современной теоретико-правовой дискуссии. Традиционно эффективность правового регулирования рассматривается как мера соответствия фактически достигнутых последствий применения нормы той цели, которую законодатель преследовал при её принятии [7]. Вместе с тем такое определение охватывает лишь оценку отдельной нормы, тогда как для анализа МПР в целом требуется более широкая интегральная характеристика всего процесса правового воздействия

[6]. Необходимо разграничивать эффективность, полезность и экономичность правового регулирования. Полезность отражает соотношение достигнутых позитивных результатов и непредвиденных негативных последствий. Экономичность характеризует соотношение полученного результата и ресурсов, израсходованных в ходе регулятивного воздействия. Эффективность же концентрируется на степени реализации поставленных целей [6].

Современная теория предлагает многоуровневую систему критериев оценки МПР [2; 8]. Общесистемные критерии характеризуют качество внутренних связей, образующих МПР как систему: устойчивость элементов, способность к оперативной модернизации, взаимную обеспеченность компонентов, непротиворечивость и полноту нормативного массива. Структурно-статические критерии нацелены на оценку качества отдельных элементов МПР: рациональность их построения, структурная полнота, соответствие конструкции механизма декларируемым целям. Процессуально-динамические критерии отражают МПР в его функциональном измерении: накопительный характер регулятивного воздействия, минимизацию временных и ресурсных затрат, последовательность стадий, адаптивность к конкретным обстоятельствам и темп достижения правовых целей [7]. Наряду с общими, специальные критерии позволяют дифференцированно оценить качество отдельных составляющих МПР: нормы права – с точки зрения языковой чёткости и структурной завершенности; актов применения права – с точки зрения профессионализма и соразмерности принятых решений [8].

МПР в современной России испытывает серьёзные функциональные затруднения, обусловленные как нормотворческими дефектами, так и системными проблемами правоприменения. Во-первых, нормативная неопределённость: значительная часть действующих норм сформулирована настолько абстрактно или содержит взаимоисключающие предписания, что их единообразное применение на практике существенно затрудняется. Во-вторых, разрыв между нормативным и индивидуальным регулированием: нормотворчество в отрыве от правоприменительной практики превращается в формализм, а правоприменение без чёткого нормативного фундамента порождает произвол [3]. В-третьих, недостаточный уровень правовой культуры и правосознания граждан снижает результативность даже тщательно разработанных правовых механизмов.

Исходя из выявленных проблем, представляется целесообразным выделить несколько взаимосвязанных направлений совершенствования механизма правового регулирования (МПР). Во первых, необходимо существенно повысить нормотворческую культуру, поскольку качество правовой нормы напрямую зависит от её способности точно отражать общественно значимые интересы и обеспечивать понятность и предсказуемость регулирования для всех адресатов. Здесь особую роль играет институт антикоррупционной экспертизы нормативно правовых актов, предусмотренный Федеральным законом от 17.07.2009 №172-ФЗ, хотя в настоящее время его реализация сильно заторможена [1].

Во-вторых, требуется оптимизация правоприменительной деятельности, которая должна не только дополнять нормативное регулирование, но и учитывать специфику конкретных жизненных ситуаций, придавая всему механизму необходимую гибкость.

В-третьих, важно целенаправленно формировать правовую культуру субъектов права, ведь именно уровень правосознания выступает системообразующим фактором МПР и определяет работоспособность всех его элементов [10].

В-четвёртых, следует развивать эффективные механизмы обратной связи через регулярный мониторинг правоприменительной практики и качественную оценку регулирующего воздействия проектов нормативных актов. Наконец, в условиях цифровой экономики актуальной становится адаптации МПР к новым технологическим реалиям - в том числе внедрение смарт-контрактов и алгоритмических регуляторов регуляторов, что, однако, невозможно без параллельного развития современной правовой доктрины.

Таким образом, механизм правового регулирования можно рассматривать как процессуально упорядоченную систему юридических средств, последовательно переводящую нормативные предписания в реальные общественные отношения и поведение субъектов. Его структуру традиционно образуют нормы права, юридические факты, правоотношения, акты реализации и применения права, а также правосознание и режим законности. Эффективность МПР оценивается по общесистемным, структурно-статическим, процессуально-динамическим и поэлементным критериям [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок 2020 г. и изм. 2022 г.). Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
2. Григорьев А.А., Корнилов А.Р. 2024. Правовое государство и гражданское общество: российский опыт построения. Образование и право. 3.
3. Марченко М.Н. 2025. Теория государства и права: учебное пособие. М.: Норма: ИНФРА-М: 196–220.
4. Пыльцина М.В. 2019. Эволюция концепций гражданского общества: анализ подходов понятийного характера. Заметки ученого. 7.
5. Хохлова О.М. 2022. Гражданское общество в современной России. Миссия конфессий. 61

REFERENCES

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12/12/1993 (as amended in 2020 and as amended in 2022). Text: electronic // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru>.
2. Grigoriev A.A., Kornilov A.R. 2024. The Rule of Law and Civil Society: The Russian Experience of Building One. Education and Law. 3.
3. Marchenko M.N. 2025. Theory of State and Law: A Textbook. Moscow: Norma: INFRA-M: 196–220.
4. Pyltcina M.V. 2019. The Evolution of Civil Society Concepts: An Analysis of Conceptual Approaches. Notes of a Scholar. 7.
5. Khokhlova O.M. 2022. Civil Society in Modern Russia. The Mission of Confessions. 61.